

сколько художественной обстоятельности, хотя, конечно, нельзя отрицать наличия между ними известной связи. Но *сжатое время* – это у Достоевского принцип мироощущения, который, конечно, «зависит от физического», но, думается, не в такой степени, как это представляется специалистам по душевным расстройствам.

...Печальная участь постигла семейство Карепиных. Мучительный конец Петра Андреевича, неизлечимая болезнь Лизы, трагическая смерть самой Варвары Михайловны... И хотя представители второго поколения Карепиных Александр и Мария тоже имели детей, никто из тех, кого опросил М.В. Волоцкой в начале 1920-х гг., не мог ничего сообщить об их судьбе. Не знаем об этом и мы.

Не такой ли исход предчувствовал Макар Деушкин, тоскуя по отбывающей в неизвестность Вареньке?

«А в губки не смею...» (Брат Николай)

Из четырех братьев Достоевских Николай Михайлович рождается последним – в 1831-м. Он появится на свет, когда брату Федору минет десять. Разница весьма существенная – на поколение. Они расстанутся, когда младшему не будет еще и шести, и встретятся вновь, когда он приблизится к тридцатилетнему рубежу. Почти четвертьвековая разлука не способствует упрочению родственных уз. Вряд ли братья писали друг другу, когда один из них находился в Сибири: во всяком случае, такие послания неизвестны. Неизвестно также, как прошла их поздняя встреча. Но, пожалуй, ее можно было бы обозначить по названию одной из глав – «Братья знакомятся» – в последнем романе старшего: правда, без заключенного в тексте *высшего* смысла.

Сведения о Николае Михайловиче очень скудны. Поначалу он шел по накатанной тропе старшими братьями колее – вслед за ними *избрал* (сам собой, не без поддержки Куманиных) инженерную карьеру.

Брат Михаил полагал, что из Николая «выйдет очень талантливый архитектор» (по крайней мере, добавим, более успешный, чем брат Федор, ничтоже сумняшеся изобразивший на представленном государю чертеже крепость без крепостных ворот). Архитектор из него получился. Но в половине 1860-х начинаются сбои. Он, еще вполне молодой человек, теряет службу, а вскоре и приносящую постоянный доход частную практику. Он продает лошадь и экипаж – символы некоторой достаточности. Объясняется это необходимостью поддержать младшую сестру – Александру Михайловну, у которой внезапно умирает муж, оставив ее с четырьмя детьми. Вскоре, однако, Николай сам поселяется у сестры – на правах бедного родственника и, может быть, приживала. И проведет так остаток своих, в общем, не столь продлившихся дней.

«Я был бы Крезом, если бы имел твердость характера», – признается он брату Андрею. Он понимает, чего у него нет. Л.Ф. Достоевская называет своего дядю «несчастливым пьяницей». Тут ее нельзя упрекнуть в преувеличении или неточности. О пагубной склонности Николая Михайловича к алкоголю упоминают и остальные родственники – с тем большей печалью, чем более Николай Михайлович им близок и мил. К нему прилагают универсальное определение: *добрый*. Лишенный каких бы то ни было амбиций, не вздорный, с благодарной деликатностью принимающий всякую помощь, он вызывает всеобщую родственную приязнь.

Он часто болеет и полеживает в больнице.

«Много я думал о тебе, голубчик, – пишет ему Достоевский из Парижа в 1863 г., –...Дорог ты мне *теперь*, больной и несчастный».

«Дорог ты мне теперь...» – последнее слово имеет касательство не только к нынешнему положению Николая Михайловича, но и к собственному душевному состоянию автора письма.